

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ

РЕАКТИВНОСТЬ, АДАПТИВНОСТЬ, ПРОАКТИВНОСТЬ

ЮРИЙ БОРОВСКИЙ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается энергетическая политика КНР в постбиополярный период через призму трёх смысловых категорий – реактивность, адаптивность и проактивность. В фокусе внимания автора лежат основополагающие энергетические вызовы Китая, связанные с его критической зависимостью от импорта углеводородов; его большой опорой на экологически вредный уголь, а также необходимостью фундаментальной перестройки китайской энергетики и экономики на углеродно-нейтральный лад в соответствии с общемировым трендом. Автор приходит к выводу, что в энергетической политике КНР нет простой реактивности. По всей триаде энергетических вызовов она в большей мере сводится к адаптивности, предполагающей исключительные по своему масштабу и разнообразию решения. В пользу адаптивности говорит и тот факт, что китайское руководство поставило цель совершить «энергетическую революцию» в стране – создать в ней одновременно чистую, низкоуглеродную, безопасную и эффективную энергосистему. Заметны также проявления проактивности в китайской энергетической политике. Во-первых, Пекин решил сделать ставку на международные механизмы торговли углеводородами и определения цен на них, в которых Китай занимает центральное место. Во-вторых, он не только сумел девальвировать лидерство Запада в области «зелёного» энергоперехода, но и сам стал задавать тон в этом общемировом процессе, получив реальные рычаги давления на другие страны, в том числе западные. В самой «энергетической революции», которую намерен совершить Пекин, можно усмотреть проактивность, поскольку нельзя исключать, что в будущем китайский пример будет мультиплицирован в глобальном масштабе. В целом энергетическая политика КНР является сочетанием адаптивности и проактивности. С учётом динамики последних десятилетий проактивность, вероятно, будет усиливаться в китайской энергетической политике.

Ключевые слова:

Китай, КНР, энергетическая политика, энергетический переход, углеродная нейтральность, нефть, газ, уголь, возобновляемая энергетика.

Введение

В условиях однополярного миропорядка, возникшего после распада Советского Союза и Восточного блока, а также в про-

цессе нарождающегося многополярного мира, отчётливо наблюдаемого с конца 2000-х годов [Brooks 2012; Истомин 2018], Китай целенаправленно трансформирует

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-48-10015, <https://rscf.ru/project/24-48-10015/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.11.2025

Дата принятия к публикации: 19.01.2026

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: yuribor@mail.ru

свою энергетическую политику в соответствии с теми вызовами, с которыми Пекин сталкивается как внутри страны, так и на международной арене. Природа таких вызовов связана не только со сферой энергоснабжения и экономического развития, но и с межгосударственным политическим соперничеством в постбиполярный период. Перед исследователем, наблюдающим за меняющейся энергетической политикой КНР, невольно встаёт вопрос, какие цели китайское руководство преследует с точки зрения стратегического целеполагания.

Цель настоящего исследования – оценить трансформацию энергетической политики КНР после распада биполярного миропорядка через призму трёх смысловых категорий – реактивности, адаптивности и проактивности. *Реактивность* означает рутинное, прямолинейное реагирование страны, то есть её намерение найти ответ на возникший вызов, используя ограниченный и в то же время односложный инструментарий. Например, при реактивном подходе страна может ставить задачу заменить уголь на природный газ или другие источники энергии и по большому счёту этим ограничиться. *Адаптивность* предполагает стремление страны решить возникший вызов за счёт исключительного по своему масштабу и разнообразию инструментария. Применительно к задаче, связанной с заменой угля в энергобалансе, речь может идти о целом комплексе мер, глубоко затрагивающем весь топливно-энергетический комплекс страны. *Проактивность* проявляется в намерении страны не просто отвечать на возникающие вызовы, но и самой быть драйвером в построении мировой энергетической повестки. Если страна стремится изменить правила игры или влиять на сложившуюся институциональную среду в сфере энергетики, допустимо говорить о проактивности её энергетической политики. Рассматриваемые категории, или образы действия, могут сочетаться в национальной энергетической политике. Например, в ней вполне может присутствовать адаптивность и проактивность одновременно.

Энергетической политике КНР постбиполярного периода международных отношений посвящён определённый пласт научных публикаций на стыке нескольких дисциплин, в том числе мировой экономики [Матвеев 2022; Malz, Pao-Yu 2024; Боровский 2024; Бобылев, Барабошкина, Джу 2020; Мастепанов, Томберг 2018; Локтионов, Ся 2025; Yergin 2020]. Тем не менее во всём массиве имеющихся работ нет публикаций, в которых энергетическая политика КНР комплексно исследуется с точки зрения стратегического целеполагания, позволяющего увидеть в доступном фактологическом материале дополнительные смыслы. Настоящее исследование призвано закрыть эту лауну и по возможности открыть соответствующую дискуссию в научной среде.

В методологическом плане подготовленное исследование строится с опорой на исторический, системный и (историко-) сравнительный анализ. Исторический анализ применяется для рассмотрения энергетической политики КНР в исторической динамике с выявлением определённых этапов. Системный анализ позволяет изучать энергетическую политику КНР в системном ключе, то есть рассматривать различные факторы и элементы, имеющие к ней отношение, во взаимосвязи; (историко-)сравнительный – сравнивать энергетическую политику КНР на разных этапах, а также достижения Китая и других стран в энергетической сфере. При написании статьи применялся и метод дискурсивного анализа в широком смысле. С его помощью автор исследовал доступные письменные и вербальные источники, имеющие отношение к развитию энергетической политики КНР (пятилетние планы, стратегии энергетической безопасности, коммюнике Центрального комитета КПК, заявления первых лиц, др.), во взаимосвязи с существующим социальным контекстом. Теоретической рамкой исследования допустимо считать международную политэкономическую, изучающую политические предпосылки/факторы экономических (в том числе энергетических) процессов на меж-

дународной арене, с другой – экономические (в том числе энергетические) предпосылки / факторы международных политических процессов [Олейнов 2017].

Структурно настоящая статья построена вокруг трёх основополагающих энергетических вызовов КНР и ответов на них. Первый из них связан с возникшей в 1990-х годах критической зависимостью страны от импорта углеводородов. Второй касается многолетней (с начала индустриализации в 1950-х годах) опоры КНР на уголь – доступный, но в то же время экологически вредный энергетический ресурс. Третий состоит в необходимости фундаментальной перестройки китайской энергетики на углеродно-нейтральный лад в контексте международных усилий по противодействию изменению климата. Отвечая на эти три связанных между собой вызова, Пекин рассчитывает совершить «энергетическую революцию», что в его понимании означает создание одновременно чистой, низкоуглеродной, безопасной и эффективной национальной энергосистемы.

Первый вызов и ответ

В годы «холодной войны» Китайская Народная Республика не только была энергетически самодостаточной, но и располагала возможностью экспортировать нефть в значительных объёмах. В 1986 г. КНР поставила на внешние рынки рекордный объём нефти – около 40 млн тонн¹. Тем не менее в постбиополярную эру – на фоне бурного роста китайской экономики, а также в силу ограниченной ресурсной базы страны – Пекин был вынужден отказаться от опоры на собственные силы в сфере энергоснабжения. В 1995 г. Китай стал нетто-импортером нефти: добыча жидких углеводородов составила примерно на 5 млн тонн меньше её потребления в стране². В последующие

Таблица 1
Нетто-импорт нефти КНР, 1995–2024

Год	Млн тонн
1995	5
2000	59
2010	238
2020	481
2024	543

Источник: Statistical Review of World Energy. June 2025. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 15.11.2025).

Таблица 2
Нетто-импорт газа КНР, 2007–2024³

Год	Млрд кубометров
2007	1
2015	59
2020	143
2024	186

Источник: Statistical Review of World Energy. June 2025. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 15.11.2025).

годы данный разрыв стал стремительно расти (табл. 1), превратившись в один из главных вызовов как энергетической, так и национальной безопасности КНР [Матвеев 2022]. Причём этот вызов выразился не столько в самой нехватке собственной нефти, сколько в опасениях со стороны Пекина не получить жидкие углеводороды из других стран или получить их по чрезмерно высоким ценам в силу политических, экономических и иных причин.

В 2007 г. Китай пополнил также ряды нетто-импортеров газа. Зависимость страны от импортного «голубого топлива» стала также стремительно увеличиваться (табл. 2). На газ, поставляемый в страну

¹ Statistical Review of World Energy. June 2025. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 15.11.2025).

² Ibid. Согласно другим данным, КНР стала нетто-импортером нефти в 1994 году. См.: Andrews-Speed P. Crude oil production in China: Explaining the surge // The Oxford Institute For Energy Study. August 2025. <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2025/08/OIES-Presentation-Crude-oil-production-in-China.pdf> (accessed: 15.11.2025).

³ Ibid.

Таблица 3
Значимость и критичность нефти и газа в энергопотреблении Китая

Характеристика	1995–2024	1995	2005	2024
Рост энергопотребления	в 4,4 раза			
Рост потребления нефти	в 5 раз (с 154 до 755 млн тонн)			
Рост потребления газа	в 24 раза (с 18 до 434 млрд куб. м)			
Доля нефти в энергобалансе		17%	21%	20%
Доля импорта в совокупном потреблении нефти		3%	44%	72%
Доля газа в энергобалансе		2%	3%	10%
Доля импорта в совокупном потреблении газа		0%	0% (2% в 2007 г.)	43%

Источник: Statistical Review of World Energy. June 2025. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 15.11.2025).

как по трубе, так и в сжиженном виде, в Пекине стали смотреть через призму тех же рисков, что были обозначены выше применительно к импортной нефти.

Критичность зависимости КНР от углеводородов наглядно демонстрирует и другая статистика (табл. 3).

С целью минимизации рисков, связанных с критической зависимостью от углеводородов импортного происхождения, Пекин предпринял ряд шагов.

Во-первых, он возвёл в ранг приоритетных задачу по сбережению энергии и энергоресурсов. В 1996 г. эта задача отчётливо прозвучала в 9-м пятилетнем плане КНР (1996–2000)⁴. Начиная со второй половины 1990-х годов в Китае были поэтапно приняты строгие нормативы, касающиеся

энергоэффективности топливно-энергетического и промышленных секторов страны [Malz, Pao-Yu 2024]. В 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин представил стратегию энергетической безопасности, в которой «устранение ненужного энергопотребления» было обозначено в качестве одной из основных реформ китайского государства в сфере энергоснабжения⁵. В 13-м пятилетнем плане КНР (2016–2020) была поставлена цель сократить энергоёмкость страны на 15%⁶, в 14-м (2021–2025) – на 13,5%⁷.

Согласно статистике, энергоснабжение на единицу ВВП (ППС) в годовом исчислении сократилось в Китае на 43% в 2000–2023 годах⁸. В 2021–2024 годах оно снизилось на 11,6%, что эквивалентно сокращению выбросов углекислого газа (УГ)

⁴ Report on the Outline of the Ninth Five-Year Plan (1996–2000) for National Economic and Social Development and Long-range Objectives to the year 2010. Delivered at the Fourth Session of the Eight National People's Congress on March 5, 1996. URL: <http://www.china.org.cn/95e/95-english1/2.htm> (accessed 15.11.2025).

⁵ Energy in China's New Era // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 21.12.2020. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202012/21/content_WS5fe0572bc6d0f725769423cb.html (accessed: 15.11.2025).

⁶ The 13th Five Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016–2020). August 2016. URL: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf> (accessed: 15.11.2025).

⁷ Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035. March 2021. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-14th-five-year-plan/> (accessed: 15.11.2025).

⁸ China // International Energy Agency. <https://www.iea.org/countries/china/efficiency-demand> (accessed: 15.11.2025).

на 1,1 млрд тонн или почти на 50% от общего объёма выбросов УГ в Европейском союзе в 2024 году⁹.

Во-вторых, Пекин сделал ставку на диверсификацию энергоносителей, которая в стратегии энергетической безопасности КНР 2014 года указана в качестве ещё одной основной реформы страны в области энергоснабжения. С одной стороны, китайское руководство поставило перед собой цель максимально заместить дефицитные нефть и газ, а также экологически вредный уголь (об угле см. ниже) – за счёт атомных и возобновляемых источников энергии (ВИЭ) [Матвеев 2022]. В 2024 г. выработка атомной энергии достигла в Китае 451 ТВт/ч (2 ТВт/ч в 1993 году), выработка возобновляемой энергии (включая гидроэнергию) – 3399 ТВт/ч (152 ТВт/ч в 1993 году)¹⁰. В попытке снизить потребление нефтепродуктов применительно к транспорту Китай вырвался на первое место в мире по количеству электромобилей. В 2024 г. их насчитывалось 11,3 млн единиц (16% от общемировой доли), в то время как в США, идущих на втором месте, их было только 1,5 млн, а во всех государствах ЕС – 2,2 млн¹¹.

С другой стороны, Пекин стал прилагать усилия, направленные на максимальную диверсификацию нефтегазового импорта как в отношении стран и регионов, так и маршрутов доставки. Ещё в 1990-х годах китайские нефтегазовые компании *CNPC*, *Sinopet* и *CNOOC*, именуемые «большой тройкой», вышли на мировой рынок и стали со временем непосредственными участниками десятков нефтегазодобывающих проектов в странах постсоветского пространства, Европы, Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока и Африки,

Северной и Латинской Америки [Jiang, Sinton 2011]¹². Параллельно Пекином были установлены особые отношения по формуле «энергетика плюс» с целым пулом государств – нефтегазовых экспортёров, включая Россию, Казахстан, Туркменистан, Саудовскую Аравию, Иран, ОАЭ, Оман, Венесуэлу и Анголу. КНР позаимствовала такой формат отношений у США, встраивая энергетику в более широкий контекст экономического и политического сотрудничества со странами-поставщиками углеводородов [Боровский 2025].

Осознавая все риски в части морской перевозки углеводородов, Китай связал себя нефтепроводами и газопроводами с географически близкими Россией и странами Центральной Азии. Речь идёт о нефтепроводах Сковородино – Мохэ, Атасу – Алашанькоу; газопроводах «Сила Сибири-1», «Туркменистан – Китай», строящемся «Дальневосточном маршруте» и запланированной «Силе Сибири-2»¹³. Более того, в XXI веке китайская сторона стала уделять повышенное внимание выходу в открытый океан, реализуя стратегическую цель – стать великой морской державой [Навдаева 2024], способной в том числе защитить морскую транспортировку китайских энергетических и иных грузов. Немаловажно, что с 2013 г. Пекин стал смотреть на страны, поставляющие углеводороды китайским потребителям, а также на существующие и будущие маршруты транспортировки нефти и газа на рынок КНР через призму инициативы «Один пояс – один путь», предусматривающей реализацию двух крупных проектов – сухопутный «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской путь XXI века» [Luthra, Gupta 2023].

⁹ China's energy consumption per unit of GDP decreases 11.6 pct in 4 years // The State Council of People's Republic of China. 09.07.2025. URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202507/09/content_WS686e05cbc6d0868f4e8f3fde.html (accessed: 15.11.2025).

¹⁰ Statistical Review of World Energy. June 2025. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 15.11.2025).

¹¹ Electric Car Use by Country 2025. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/electric-car-use-by-country> (accessed: 15.11.2025).

¹² Jianjun Tu K. Chinese oil: an evolving strategy // Dialogue Earth. 24.04.2012. URL: <https://dialogue.earth/en/energy/4891-chinese-oil-an-evolving-strategy/> (accessed: 16.11.2025).

¹³ Что известно о маршрутах поставок газа из России в Китай // ТАСС. 02.09.2025. URL: <https://tass.ru/info/24932661> (дата обращения: 16.11.2025).

В-третьих, Пекин, изучивший позитивный опыт стран-членов Международного энергетического агентства (МЭА), с 2007 г. стал создавать стратегические нефтяные резервы, необходимые на случай перебоев внешних поставок. К 2025 г. такие резервы достигли 313 млн баррелей и в перспективе продолжают расти вплоть до достижения показателя в 90 суток чистого импорта (на момент 2026 года – 26 суток)¹⁴. В их создании задействованы упомянутые три крупнейшие национальные нефтегазовые компании страны [Malz, Rao-Yu 2024].

В-четвёртых, правительство КНР, учитывая ограниченность конвенциональных запасов нефти и газа в стране, изначально предпочитало не форсировать их разработку. Оно требовало от китайских нефтегазодобывающих компаний поддерживать производство углеводородов на относительно высоком уровне, позволяющем отсрочить полную исчерпаемость национальной ресурсной базы. Тем не менее с 2014 г. Пекин перешёл к политике стимулирования внутренней добычи нефти и газа, уделяя особое внимание сланцевым и иным малопроницаемым пластам. В 2019 г. китайские власти на специальной организованной встрече призвали «большую тройку» наращивать производство углеводородов в стране, а в 2020 г. предоставили им существенные налоговые льготы [Andrews-Speed 2025]. Тем самым руководство КНР, фактически используя успешный опыт Вашингтона [Иванов, Пусенкова, Соколов 2024], решило создать оптимальные условия для национальной нефтегазовой индустрии, рассчитывая на рост её производственных показателей в недалекой перспективе. Пока рано говорить об эффективности нового

подхода Пекина. Между тем в 2024 г. Китай добыл нефти на 11% больше, чем в 2019 году, газа – на 41% больше¹⁵. С середины 2010-х гг. *CNOOC* стала наращивать добычу нефти и газа в акватории Южно-Китайского моря¹⁶, не-смотря на наличие у КНР территориальных споров с соседними странами [Васильев, Шавлай 2020].

Релевантность энергетической отрасли подтверждает также 14-й пятилетний план КНР (2021–2025)¹⁷, в котором снабжение Китая ископаемыми энергоресурсами выделено в отдельное стратегическое направление. В документе говорится о необходимости укрепления ресурсной базы страны с учётом имеющихся запасов и технологий; диверсификации и расширении источников нефтегазового импорта; поддержке безопасности стратегических каналов и узлов транспортировки углеводородов в направлении Китая; совершенствовании системы стратегических нефтегазовых резервов страны, а также развитии тех международных механизмов ценообразования и торговли углеводородами, в которых КНР отводится центральное место, в том числе за счёт перехода на расчёты в национальной валюте. Последний пункт можно считать валютным и трактовать в качестве намерения Пекина лишить США и остальные западные страны их доминирования в сфере энергетического ценообразования.

Изложенное выше не позволяет сказать, что Китай, столкнувшись с проблемой нехватки углеводородов, стал реагировать на неё рутинно и прямолинейно. Тот многогранный и масштабный ответ, который сформировал с 1990-х годов Пекин, больше соответствует адаптивности. Вместе

¹⁴ China's Strategic Storage Build-Out to Bolster Oil Demand // Energy Intelligence. 16.09.2025. URL: <https://www.energyintel.com/00000199-520f-d6ff-a5db-d72f1da50000> (accessed: 16.11.2025).

¹⁵ Statistical Review of World Energy. June 2025. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 16.11.2025).

¹⁶ Kennedy C. CNOOC Expands Presence in South China Sea with New Projects // Oilprice.com. 02.10.2025. URL: <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/CNOOC-Expands-Presence-in-South-China-Sea-with-New-Projects.html> (accessed: 16.11.2025).

¹⁷ Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035. March 2021. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-14th-five-year-plan/> (accessed: 16.11.2025).

с тем сама постановка вопроса со стороны китайского руководства о создании международных механизмов ценообразования и торговли углеводородами, работающих в интересах Китая, а не Запада, указывает на определённые элементы проактивности энергетической политики КНР.

Второй вызов и ответ

Высокая доля угля в национальном энергобалансе – с долей выше 50% – является ещё одним фундаментальным вызовом Китая в сфере энергоснабжения (табл. 4). Преобладание этого энергоносителя в КНР возникло в 1950-х годах. Встав на путь индустриализации, китайская экономика нуждалась в доступной и недорогой энергии, источником которой стал уголь [Sharma et al. 2023], позволивший устранить проблему с перебоями в энергоснабжении [Malz, Pao-Yu 2024]. Как и в середине XX века, Китай в состоянии самостоятельно обеспечивать себя углём, но низкие экологические характеристики последнего требуют от Пекина поступательного отказа от твёрдого топлива без ущерба энергетической безопасности и экономическому росту страны.

Статистика показывает, что с 1991 по 2024 г. Китаю удалось снизить долю угля в своём энергобалансе с 79% до 58%. Вместе с тем в те же годы потребление энергии выросло в стране в 5,5 раз, потребление угля – в 4 раза. Пока с каждым годом КНР только увеличивает потребление угля и пика по этому показателю ещё не достигла. Немаловажно, что за счёт угля Китай производит 58% электричества (2024 год), что пока не позволяет говорить о преимущественно «зелёной» электрогенерации в стране¹⁸. Радовать руководство Китая может только отсутствие зависимости от импортного угля (табл. 4). Ещё один повод для оптимизма – рост инвестиционных

Таблица 4
Место угля в энергоснабжении КНР

Год	Доля угля в энергобалансе, %	Доля импорта в совокупном потреблении угля, %
1991	79	2
2000	72	0
2010	73	5
2020	61	4
2024	58	0

Источник: Statistical Review of World Energy. June 2025. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 16.11.2025).

Таблица 5
Доля угля и ВИЭ в электроэнергобалансе КНР в 1991–2024 годах, в %

Год	Уголь	ВИЭ (без гидро)	ВИЭ (с гидро)
1991	74	>1	18
2024	58	20	34

Источник: Statistical Review of World Energy. June 2025. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 16.11.2025).

вложений КНР в возобновляемую электрогенерацию (без учёта ГЭС), который в 2020-х годах превысил аналогичный показатель в угольной отрасли. С каждым годом доля ВИЭ в электроэнергетическом балансе Китая прирастает, тогда как доля угля падает (табл. 5).

По состоянию на 2025 г. нет явных признаков того, что Китай встал на путь планомерного отказа от угля. В стране продолжают строиться и вводиться в эксплуатацию новые угольные ТЭС¹⁹. Перед китайским руководством стоит непростая дилемма – обеспечивать энергетическую безопасность и экономический рост страны или решать экологические и климатические

¹⁸ Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035. March 2021. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-14th-five-year-plan/> (accessed: 16.11.2025).

¹⁹ Qi Q., Shearer C. Coal is losing ground but not letting go: Structural inertia and the struggle to shift coal's role in China's power system // CREA. 25.08.2025. URL: <https://energyandcleanair.org/publication/chinas-coal-is-losing-ground-but-not-letting-go/> (accessed: 16.11.25).

задачи. К тому же в угольной индустрии КНР задействованы большая рабочая сила и инвестиции. В качестве «переходного» источника энергии²⁰ китайское руководство видит природный газ, предпочтительно добываемый в стране. Пока же Китай по большому счёту как был, так и остаётся угольной державой. В 2005 г. КНР стала крупнейшим источником парниковых газов (ПГ) в мире, обогнав по этому показателю США: 6,8 против 6,2 млрд тонн CO₂-эквивалента соответственно. В 2024 г. на КНР приходилось уже 12,5 млрд тонн CO₂-экв. (31% от мировой доли), в то время как на США – только 5,1 млрд тонн CO₂-экв, а ЕС – 2,6 млрд тонн CO₂-экв²¹. Главная причина такого высокого показателя в КНР заключается в добыче и обработке угля, сжигание которого генерирует 70% выбросов CO₂ в стране [Malz, Pao-Yu 2024].

На страницах 14-го пятилетнего плана КНР (2021–2025) отмечается, что уголь продолжает оставаться основой энергетической безопасности и экономического роста страны, поэтому Пекин будет придерживаться разумного подхода в процессе отказа от него и перехода на другие источники энергии²². Поставив цель достичь пика выбросов ПГ до 2030 г.²³ и улучшить экологическую ситуацию в стране²⁴, Китай уже в годы реализации своего 15-го пятилетнего плана (2026–2030) начнёт постепенно снижать потребление угля²⁵. Реализация этого курса будет происходить как в контексте расширения использования

атомных и возобновляемых источников энергии, так и структурной трансформации китайской экономики, в рамках которой энергоёмкое экспортно-ориентированное промышленное производство, ранее превратившее Китай в «мировую фабрику» [Naughton, 2018], будет сокращаться, а сфера услуг – увеличиваться.

Вместе с тем вопрос о полном отказе от угля к определённому сроку пока является предметом дебатов в Китае. Конечно, крупнейшие угольные компании страны не заинтересованы в форсировании этого процесса, и центральному руководству КНР, держа одновременно в голове «зеленую повестку», поступательное развитие экономики и национальную безопасность, предстоит рано или поздно решить, стоит ли полностью отказываться от угля, и если да, то в какие сроки. В решении этого сложного вопроса КНР не одинока. Другие страны, также являющиеся крупными потребителями угля, включая Индию, пока не утвердили чётких планов по постепенному отказу от угля [Malz, Pao-Yu 2024].

Третий вызов и ответ

Третий фундаментальный вызов КНР в сфере энергоснабжения касается её перехода на углеродно-нейтральный путь развития в рамках общемирового тренда. Глобальному потеплению способствуют антропогенные выбросы ПГ, свыше 70% которых создаёт мировой энергетический сектор²⁶. В последнем доля углеродного

²⁰ Т.е. от угля к углеродно-нейтральным источникам энергии.

²¹ Statistical Review of World Energy. June 2025. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 16.11.2025).

²² Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035. March 2021. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-14th-five-year-plan/> (accessed: 16.11.2025).

²³ О данной цели см. подробнее ниже.

²⁴ The State Council Issues Action Plan on Prevention and Control of Air Pollution Introducing Ten Measures to Improve Air Quality // Ministry of Ecology and Environment. 12.09.2013. URL: https://english.mee.gov.cn/News_service/infocus/201309/t20130924_260707.shtml (accessed: 16.11.2025).

²⁵十四五现代能源体系规划 [14th Five-Year Plan for a Modern Energy System]. March 2022. URL: <https://www.ndrc.gov.cn/xgk/zcfb/ghwb/202203/P020220322582066837126.pdf> (accessed: 16.11.2025).

²⁶ Global Emissions // Center for Climate and Energy Solutions (C2ES). URL: <https://www.c2es.org/content/international-emissions/> (accessed: 17.11.2025).

ископаемого топлива – нефти, газа и угля – составляет на момент 2024 г. 87%²⁷. Движение международного сообщества к углеродной нейтральности, необходимой для предотвращения глобального потепления, невозможно без радикального снижения потребления упомянутых энергоносителей и одновременного перехода на возобновляемые и иные низкоуглеродные источники энергии.

Китай, опирающийся в своём энергоснабжении преимущественно на уголь, нефть и газ (свыше 90% в 1990–2010-е годы и 88% в 2024 году)²⁸, поначалу категорически отказывался связывать себя международными обязательствами по сокращению ПГ, видя в этом угрозу своему стремительному экономическому развитию. Тем не менее в 2011 г. он кардинально изменил свою политику. В 12-м пятилетнем плане КНР (2011–2015) было объявлено о необходимости преобразования модели экономического развития страны на низкоуглеродный лад и начале её «активной борьбы с изменением климата»²⁹. В 13-м пятилетнем плане (2016–2020) Китай заявил, что предпримет решительные шаги по контролю за выбросами ПГ и выполнит свои обязательства в области противодействия изменению климата³⁰. В 2016 г. Пекин подписал и ратифицировал Парижское соглашение по климату, впервые де-юре взяв на себя международные обязательства по сокращению ПГ.

В сентябре 2020 года, на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, председатель КНР Си Цзиньпин объявил о «двойных углеродных» целях (“dual carbon” goals) страны. Первая цель – достижение пика выбросов ПГ до 2030 года, вторая – достижение углеродной нейтральности до 2060 года³¹. Впоследствии они были зафиксированы в 14-м пятилетнем плане КНР (2021–2025) и увязаны с Парижским соглашением по климату. В 14-м плане также фигурировали чёткие амбициозные цели Китая на пятилетку: 50-процентный рост производства возобновляемой энергии; удвоение установленной мощности солнечной и ветряной генерации; доведение общего объёма потребления ВИЭ в год до 1 млрд тонн в угольном эквиваленте; сокращение объёма выбросов ПГ на единицу производимой энергии (carbon intensity) на 18%³².

В русле своей новой политики Китай не только согласился стать углеродно-нейтральным, но и фактически бросил вызов лидерству Евросоюза и США в деле продвижения низкоуглеродной энергетики. В частности, если в 2011 г. КНР произвела 104 ТВт/ч электричества за счёт ВИЭ без учёта гидроэнергетики³³, то ЕС и США – 337 и 202 ТВт/ч соответственно. Между тем в 2024 г. Китай сгенерировал за счёт тех же источников больше электричества, чем Европейский союз и Соединённые Штаты вместе взятые: 2045 ТВт/ч

²⁷ Statistical Review of World Energy. June 2025. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 17.11.2025).

²⁸ BP Statistical Review of World Energy June 2006. URL: <https://www.rrojasdatabank.info/bpstats2006.pdf> (accessed: 17.11.2025).

²⁹ The 12th Five-Year Plan (2011–2015) for National Economic and Social Development of the People's Republic of China (2011–2015). March 2011. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/node/37> (accessed: 17.11.2025).

³⁰ The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016–2020). March 2016. URL: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf> (accessed: 17.11.2025).

³¹ Energy in China's New Era // The State Council Information Office of the People's Republic of China. December 2020. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202012/21/content_WS5fe0572bc6d0f725769423cb.html (accessed: 17.11.2025).

³² Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035. March 2021. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-14th-five-year-plan/> (accessed: 17.11.2025).

³³ Главным образом ветряные и солнечные источники энергии, а также геотермальная энергетика и биомасса.

против 947 и 830 ТВт/ч соответственно. Производство гидроэнергии, имеющей общепризнанный статус возобновляемой и углеродно-нейтральной, удвоилось в Китае в 2011–2024 годах (с 688 до 1354 ТВт/ч), тогда как в ЕС оно выросло только на 20% (с 307 до 369 ТВт/ч), а в США вовсе сократилось на 32% (с 316 до 239 ТВт/ч)³⁴. По производству перспективного «зелёного» водорода Китай выбился в мировые лидеры, добившись в 2024 г. показателя 125 тыс. тонн, что больше, чем у всего остального мира (120 тыс. тонн)³⁵.

За короткий период КНР стала неоспоримым мировым лидером в области возобновляемой энергетики. Это лидерство было обеспечено благодаря господдержке, а также сложившемуся доминированию страны в сфере добычи и переработки редкоземельных элементов. Последние широко используются при производстве ветряных турбин, например постоянных магнитов и солнечных панелей [Malz, Pao-Yu 2024]. В 2024 г. на Китай приходилось свыше 71% мирового производства редкоземельных элементов, на США – чуть менее 12%, а в государствах-членах ЕС такое производство вообще отсутствует³⁶. Вместе с тем по состоянию на 2024 г. Китай был крупнейшим мировым экспортёром ветряных турбин³⁷ и солнечных панелей³⁸, в том числе в страны Запада³⁹.

Обладая подобным преимуществом, Пекин способен существенно влиять на глобальное развитие возобновляемой энер-

гетики [Wang et al 2020], а также фактически получил в своё распоряжение рычаг по оказанию давления на другие страны, опирающиеся на ВИЭ, в том числе западные. Инициированный государствами Запада переход на ВИЭ вошёл в противоречие с их же императивом безопасности, и виной тому стал статус Китая как доминирующего мирового поставщика редкоземельных металлов, ветряных турбин и солнечных панелей.

К низкоуглеродным источникам энергии относится и атомная энергетика. В 2011–2024 годах КНР увеличила выработку электричества в пять раз за счёт АЭС (с 87 до 451 ТВт/ч), в то время как США сократили на 1% (с 832 до 823 ТВт/ч), а ЕС – на 29% (с 838 до 650 ТВт/ч)⁴⁰. Китайское правительство достигло цели по увеличению мощности АЭС до 53 ГВт в 2020 году. К 2030 г. этот же показатель должен вырасти до 110 ГВт, что сделает КНР неоспоримым мировым лидером по выработке атомной энергии. Китай, форсированно развивая свою атомную энергетику, использует не только собственные технологии, но и перенимает зарубежные в рамках инвестиционных проектов с участием корпораций из России, Франции, США и Канады [Malz, Pao-Yu 2024].

В 2021 г. КНР запустила национальную систему торговли квотами на выбросы ПГ. В 2025 г. она охватила парниковые выбросы в объёме 8 млрд тонн CO₂-экв., или 51% всех выбросов ПГ, генерируемых в стране

³⁴ Statistical Review of World Energy. June 2025. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 17.11.2025).

³⁵ China Energy Transition Review 2025 // Ember. 09.09.2025. URL: <https://ember-energy.org/app/uploads/2025/09/China-Energy-Transition-Review-2025.pdf> (accessed: 17.11.2025).

³⁶ BP Statistical Review of World Energy June 2006. URL: <https://www.rojadasdatabank.info/bpstats2006.pdf> (accessed: 17.11.2025).

³⁷ Chinese Manufacturers Lead Global Wind Turbine Installations, BloombergNEF Report Shows // BloombergNEF. 17.03.2024. URL: <https://about.bnef.com/insights/clean-energy/chinese-manufacturers-lead-global-wind-turbine-installations-bloombergnef-report-shows/> (accessed: 17.11.2025).

³⁸ Where are solar panels made? // Sunsave. 10.11.2025. URL: <https://www.sunsave.energy/solar-panels-advice/solar-energy/where-are-solar-panels-made> (accessed: 17.11.2025).

³⁹ EU imports €14.6 billion in green energy products // Eurostat. 09.10.2025. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20251009-2#:~:text=China%20and%20India:%20main%20import,from%2058%25%20to%2048%25> (accessed: 17.11.2025).

⁴⁰ Statistical Review of World Energy. June 2025. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 17.10.2025).

за год. Если изначально китайская система учитывала парниковые выбросы только энергетического сектора, то с 2025 года – ещё сталелитейного, цементного и алюминиевого⁴¹. Для сравнения: Европейский союз запустил свою систему торговли квотами на выбросы ПГ (*EU ETS*) в 2005 году, но за всё время она охватила годовые выбросы в объёме 1,1 млрд тонн CO₂-экв., или 40% всех выбросов ПГ, приходящихся на страны интеграционного объединения. В США вообще не создана национальная система торговли квотами на выбросы ПГ; такие системы запущены только в нескольких штатах: в Вашингтоне, Калифорнии, Колорадо, Массачусетсе и Орегоне⁴².

В сентябре 2025 г. председатель КНР Си Цзиньпин в видеообращении к климатической саммите Генассамблеи ООН сообщил, что к 2035 г. Китай сократит эмиссию ПГ на 7–10% от пиковых показателей, достигнутых до 2030 года, а также доведёт долю неископаемых источников в энергобалансе до более чем 30% (12% в 2024 году)⁴³. Китайский лидер пообещал, что к 2035 г. установленные мощности ветряной и солнечной энергетики достигнут 3,6 ТВт, то есть вырастут более чем в 6 раз по сравнению с 2020 годом⁴⁴. В 2024 г. совокупная установленная мощность китайской электроэнергетики составляла 3,4 ТВт, из них 1,4 ТВт приходилось на ветряную и солнечную энергетику⁴⁵.

Поскольку Китай сумел за относительно короткий срок войти в авангард стран, продвигающих углеродно-нейтральный путь развития, он смог во многом купировать риски, связанные с введением «зелёных пошлин» западными странами. В част-

ности, с 2026 г. в Евросоюзе полноценно заработает Механизм трансграничного углеродного регулирования (*МТУР, Carbon Border Adjustment Mechanism*)⁴⁶, но он лишь незначительно затронет интересы китайских экспортёров [Zhe-Yi et al. 2025].

Таким образом, Китай, поначалу находившийся в арьергарде, в итоге продемонстрировал наилучшую модель адаптивности к вызову, связанному с переходом человечества на углеродно-нейтральный путь развития. Все доступные инструменты и практики были им задействованы и выведены на беспрецедентный по масштабу уровень. КНР, перехватив и возглавив «зелёную» энергетическую повестку, предложенную Западом, продемонстрировал немалую проактивность своей энергетической политики.

«Энергетическая революция» и незападные энергетические институты

Отвечая на три основополагающие вызова, Китай намерен совершить «энергетическую революцию». Это понятие впервые появилось на страницах 13-го пятилетнего плана КНР (2016–2020) и впоследствии укоренилось в китайском дискурсе. В 14-м пятилетнем плане КНР (2021–2025) оно также фигурировало и означало создание в стране чистой, низкоуглеродной, безопасной и эффективной энергосистемы, способной обеспечить оптимальный баланс между экономическим ростом, энергетической безопасностью и экологической устойчивостью на долгосрочную перспективу.

Действуя в парадигме «энергетической революции», Пекин намерен придержи-

⁴¹ State and Trends of Carbon Pricing 2025. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/state-and-trends-of-carbon-pricing> (accessed: 17.11.2025).

⁴² Ibid.

⁴³ Statistical Review of World Energy. June 2025. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 17.11.2025).

⁴⁴ China's Xi announces new climate targets // Reuters. 24.09.2025. URL: <https://www.reuters.com/sustainability/cop/chinas-xi-announces-new-climate-targets-2025-09-24/> (accessed: 17.11.2025).

⁴⁵ China Country Analysis Brief // U.S. Energy Information Administration. May 2025. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/pdf/China-2025.pdf (accessed: 17.11.2025).

⁴⁶ Carbon Border Adjustment Mechanism // European Commission. URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/carbon-border-adjustment-mechanism_en (accessed: 17.11.2025).

ваться следующей логики. *Во-первых*, он будет ускорять развитие неископаемой энергетики: ветряной, солнечной, геотермальной, гидро-, а также атомной энергетики. В стране появятся разноисточниковые взаимодополняющие базы чистой энергетики (*multi-energy complementarity clean energy bases*), которые смогут объединить и оптимизировать в своих рамках все неископаемые источники энергии.

Во-вторых, Пекин планирует существенно повысить инновационный уровень национальной энергетики посредством интеллектуальной трансформации электросетей; увеличения каналов передачи сверхвысокого напряжения (*ultra-high-voltage, UHV*); внедрения новейших технологий накопления энергии; развития водородной энергетики; масштабной электрификации транспорта и перспективных исследований в сфере квантовой энергетики, фотоники, микро- и наноэлектроники, биотехнологии, искусственного интеллекта и синхротронного излучения⁴⁷.

В-третьих, китайское руководство, принимая во внимание императивы энергетической безопасности и экономического роста, будет придерживаться разумного подхода в использовании угля, содействуя его планомерной замене в электроэнергетике, а также создаст оптимальные условия для ускоренного освоения нефтегазовых месторождений в стране, прежде всего на морском шельфе и в малопроницаемых пластах. В октябре 2025 г. на пленуме ЦК Коммунистической партии Китая были обозначены главные векторы 15-го пятилетнего плана КНР (2026–2030). Вполне ожидаемо было заявлено, что страна уско-

рит создание новой, то есть чистой, низкоуглеродной, безопасной и эффективной энергосистемы⁴⁸.

Китай поддержал интенсификацию многостороннего энергетического сотрудничества в рамках БРИКС и ШОС: ежегодные встречи министров энергетики, общая энергетическая повестка, совместное реагирование на энергетические вызовы, расчёты за энергоносители в национальных валютах [Халова, Иллерицкий 2023; Мастепанов 2024]. Можно допустить, что Пекин увидел в этом возможность не только сбалансировать западноцентричную модель международного институционального взаимодействия в контексте формирования полицентричного мира, но и способствовать глобальному распространению незападных принципов энергетического сотрудничества, в том числе в интересах КНР. Например, в июне 2025 г. на очередной встрече министров энергетики стран-членов ШОС было предложено определить и зафиксировать в документах организации понятие «справедливой энергетики». Таким образом страны-участницы выступили за правила международного энергетического сотрудничества, основные на уважении энергетического суверенитета, обеспечении равного доступа к энергоресурсам, справедливом ценообразовании, технологическом равенстве и недопущении использования климатической повестки в качестве политического и экономического инструмента недобросовестной борьбы за мировые рынки⁴⁹. Пока рано говорить о проактивности энергетической политики Пекина в рамках БРИКС и ШОС, но в будущем она вполне может проявиться.

⁴⁷ Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035. March 2021. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-14th-five-year-plan/> (accessed: 17.11.2025).

⁴⁸ Communique of the Fourth Plenary Session of the 20th Central Committee of the Communist Party of China. 23.10.2025. URL: <https://news.cgtn.com/news/2025-10-23/Communique-of-the-Fourth-Plenary-Session-of-20th-CPC-Central-Committee-1HlBjwuiAww/p.html> (accessed: 17.11.2025).

⁴⁹ Сергей Цивилев: Страны ШОС должны первыми определить понятие «справедливой энергетики» // Министерство энергетики России. 26.06.2025. URL: <https://minenergo.gov.ru/?C=D;O%3DA&news-item=sergey-tsvilev-strany-shos-dolzhen-pervymi-opredelit-ponyatie-spravedlivoy-energetiki-> (дата обращения: 11.11.2025).

* * *

По всей триаде основополагающих энергетических вызовов Пекин реагирует не рутинно и прямолинейно, а результативно адаптируется к ним, предлагая исключительные по своему масштабу и разнообразию решения. В пользу данного вывода также говорит тот факт, что китайское руководство поставило цель совершить «энергетическую революцию» в стране – создать в ней чистую, низкоуглеродную, безопасную и эффективную энергосистему, что предполагает решение всех основополагающих энергетических вызовов КНР на фундаментальной, разноплановой и одновременно инновационной основе.

В энергетической политике Китая также можно увидеть проявления проактивности. *Во-первых*, их можно зафиксировать при более пристальном изучении намерений Пекина развивать международные механизмы ценообразования и торговли углеводородами, в которых КНР, а не странам Запада, отводится центральное место. *Во-вторых*, в 2011 г. Китай принял парадигму углеродно-нейтрального развития, предложенную Западом, и за полтора десятилетия фактически стал её главным драйвером. Это выражается как в неоспо-

римом китайском лидерстве в области развития углеродно-нейтральной энергетики, так и в критическом доминировании КНР на рынке редкоземельных элементов, без которых развитие ВИЭ не представляется возможным. «Зелёный» энергопереход, инициированный Западом, стал в итоге прекрасной возможностью для китайской стороны совершить «энергетическую революцию», а для стран Запада – на фоне высокой активности КНР – он превратился в стратегический вызов их безопасности. Вместе с тем и в самой «энергетической революции», которую Пекин вознамерился совершить, можно увидеть проактивность, поскольку нельзя исключать, что в недалеком будущем китайский пример будет мультиплицирован в глобальном масштабе.

В целом энергетическая политика КНР являет собой сочетание адаптивности и проактивности. Учитывая динамику последних десятилетий, проактивность не только сохранится, но и, весьма вероятно, будет усиливаться в китайской энергетической политике. Тем самым влияние КНР на мировую энергетику будет возрастать как в краткосрочной, так и среднесрочной перспективе.

Список литературы

- Бобылев С.Н., Барабошкина А.В., Джу С. Приоритеты низкоуглеродного развития для Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. №82. С. 114–139. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10095>
- Боровский Ю.В. Политизация мировой энергетики: исторический и современный контекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 1. С. 45–55. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55>
- Боровский Ю.В. Понимание энергетической безопасности ключевыми центрами силы (РОССИЯ, КНР, США, ЕС) // Сравнительная политика. 2024. Т. 15. №2. С. 11–30. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2024-2-15-1>
- Васильев Д.В., Шавлай Э.П. Южно-Китайское море в противостоянии КНР и США в Азии // Азия и Африка сегодня. 2020. №7. С. 61–66. <https://doi.org/10.31857/S032150750010107-9>
- Иванов Н.А., Пусенкова Н.Н., Соколов А.В. Добыча нефти и газа из сланцевых формаций в США: текущее состояние и прогнозы // Георесурсы. 2024. Т. 26. №3. С. 240–249. <https://doi.org/10.18599/grs.2024.3.24>
- Истомин И.А. Особенности междержавной конкуренции в условиях взаимозависимости // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2018. Т. 10. №1. С. 72–101.
- Локтионов В.И., Ся Ш. Китай на пути к устойчивой энергетике // Проблемы прогнозирования. 2025. № 1. С. 211–221. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-208-211-221>
- Ма И. Анализ эволюции энергетической политики КНР в период с 1990 по 2025 гг. // Экономика и предпринимательство. 2025. № 1 (174). С. 30–33. <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.174.1.002>

- Мастепанов А.М., Томберг И.Р.* Китай диктует энергетическую политику XXI века // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 3 (54). С. 6–38. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.3.54.1>
- Мастепанов А.М.* Энергетическое сотрудничество стран БРИКС: история и перспективы // Энергетическая политика. 2024. №8. С. 8–26. DOI: 10.46920/2409_5516_2024_8199_8
- Матвеев В.А.* Современная энергетическая политика Китая: внешние и внутренние вызовы. М.: ИДВ РАН, 2022. 168 с.
- Навдаева М.Е.* Военная сила как инструмент реализации интересов Китая на море // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26. № 2. С. 92–106. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-2/92-106>
- Олейников А.Г.* Международная политекономика: предмет и метод // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 2. С. 55–65. DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-2-55-65
- Халова Г., Иллерицкий Н.И.* Энергетическая геополитика и трансформация ШОС: от Центральной Азии к Евразии и многополярному миру // Энергетическая политика. 2023. № 2 (180). С. 78–85. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2023_2180_78
- Andrews-Speed P.* Crude oil production in China: Explaining the surge. Oxford: The Oxford Institute For Energy Study. August 2025. 24 p.
- Brooks S.G., Ikenberry G.J., Wohlforth W.C.* Don't come home, America: the case against retrenchment // International Security. 2012. Vol. 37. No. 3. P. 7–51. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00107
- Fan Q. et al.* Heavy metal pollution in the baotou section of the yellow river, china // Chemical Speciation & Bioavailability. 2008. Vol. 20. No. 2. P. 65–76. <http://dx.doi.org/10.3184/095422908X322824>
- Luthra G., Gupta P.* China's Belt and Road Initiative in the Energy Sector: Progress, Direction, and Trends // Issue briefs. 2023. No. 677. 28 p.
- Jiang J., Sinton J.* Overseas investments by Chinese national oil and gas companies. International Energy Agency, February 2011. 52 p.
- Malz N., Pao-Yu O.* China's Energy Policy. An Overview for Policy Makers. Berlin: Europa-Universität Flensburg, March 2024. 40 p. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.13750.31042>
- Naughton B.* The Chinese Economy. Adaptation and Growth. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2018. 608 p.
- Sharma V., Loginova J., Zhang R., Kemp D., Shi G.* How do past global experiences of coal phase-out inform China's domestic approach to a just transition? // Sustainability Science. 2023. Vol. 18. P. 2059–2076. <https://doi.org/10.1007/s11625-023-01312-5>
- Wang J., Guo M., Liu M., Wei X.* Long-term outlook for global rare earth production. Resources Policy. 2020. Vol. 65. 101569. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2019.101569>
- Yergin D.* The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations. London: Penguin Press, 2020. 544 p.
- Zhe-Yi C., Lu-Tao Z., Lei C., Rui-Xiang Q.* How does China respond to the Carbon Border Adjustment Mechanism? An approach of global trade analysis // Energy Policy. 2025. Vol. 198. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2024.114486>

CHINA'S ENERGY POLICY

REACTIVITY, ADAPTIVITY, PROACTIVITY

YURY BOROVSKY

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

This paper examines the Chinese energy policy in the post-bipolar era by means of three conceptual categories – reactivity, adaptivity, and proactivity. The article focuses on China's fundamental energy challenges related to its critical dependence on oil and gas imports, its heavy reliance on environmentally harmful coal, as well as the need for a fundamental overhaul of the Chinese energy industry and economy

in a carbon-neutral way in compliance with the global trend. The author concludes that no simple reactivity exists in China's energy policy. Regarding the entire triad of challenges, the Chinese energy policy deals mainly with adaptivity, suggesting a set of solutions that are exceptional in their scale and variety. The clear intention of the Chinese leadership to make an 'energy revolution' implying the creation of a clean, low-carbon, safe and efficient energy system in the country points distinctly to adaptivity. There are also manifestations of proactivity in the Chinese energy policy. First, Beijing has decided to prioritize international mechanisms for trading and pricing hydrocarbons, where China calls the shots. Second, it has not only devalued the leadership of the West in the field of 'green' energy transition, but also has become a trendsetter in this global process, with real leverage on other countries, including Western ones. The very 'energy revolution' that Beijing seeks to make can be seen as proactive. It cannot be ruled out that in the future this Chinese example will be generalized and multiplied globally, with other states following suit. China's energy policy is a combination of adaptivity and proactivity. Given the dynamics of recent decades, proactivity is likely to increase in the Chinese energy policy.

Keywords:

China; PRC; energy policy; energy transition; carbon neutrality; oil; gas; coal; renewable energy

References

- Andrews-Speed P. (2025) *Crude oil production in China: Explaining the surge*. Oxford: The Oxford Institute For Energy Study. August. 24 p.
- Bobylev S.N., Baraboshkina A.V., Zhu X. (2020) Prioritety nizkouglerodnogo razvitiya dlya Kitaya [Priorities of Low-Carbon Development for China]. *Public Administration. E-journal*. No. 82. P. 114–139. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10095
- Borovsky Yu.V. (2025) Politizatsiya mirovoy energetiki: istoricheskiy i sovremennyy kontekst [Politicization of global energy supply: Historical and contemporary context]. *Vestnik RUDN. International Relations*. No.25(1). P. 45–55. DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55
- Borovsky Yu.V. (2024) Ponimanie energeticheskoy bezopasnosti klyuchevymi tsentrami sily (Rossiya, KNR, SShA, ES) [The Vision of Energy Security by Key Power Centers (Russia, China, USA, and the EU)]. *Comparative Politics Russia*. Vol.15. No. 2. P. 11–30. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-2-15-1
- Brooks S.G., Ikenberry G.J., Wohlforth W.C. (2012) Don't come home, America: the case against retrenchment. *International Security*. Vol. 37. No. 3. P. 7–51. DOI: 10.1162/ISEC_a_00107
- Fan Q. et al. (2008) Heavy metal pollution in the baotou section of the Yellow River, China. *Chemical Speciation & Bioavailability*. Vol. 20. No. 2. P. 65–76. DOI: 10.3184/095422908X322824
- Istomin I.A. (2018) Osobennosti mezhdzherzhavnoy konkurentstsvii v usloviyakh vzaimozavisimosti [Rivalry between the Leading Powers in the Context of Global Interdependence]. *Lomonosov World Politics Journal*. Vol. 10. No 1. P. 72–101.
- Ivanov N.A., Poussenkova N.N., Sokolov A.V. (2024) Dobycha nefi i gaza iz slantsevykh formatsii: tekushchee sostoyanie i prognozy [Production of Shale Oil and Gas in the US: Current Status and Prospects]. *Geosursy*. Vol. 26. No. 3. P. 240–249. DOI: 10.18599/grs.2024.3.24
- Jiang J., Sinton J. (2011) *Overseas investments by Chinese national oil and gas companies*. International Energy Agency. February. 52 p.
- Khalova G., Illeritskiy N. (2023) Energeticheskaya geopolitika i transformatsiya ShOS: ot Tsentralnoi Azii k Evrazii i mnogopolyarnomou mirou [Energy geopolitics and the transformation of the Shanghai Cooperation Organization: from Central Asia to Eurasia and the multipolar world]. *Energeticheskaya politika*, No. 2 (180), P. 78–85. DOI 10.46920/2409-5516_2023_2180_78
- Loktionov V. I., Xia S. (2025) Kitay na puti k ustoychivoy energetike. [China on the Way to Sustainable Energy]. *Studies on Russian Economic Development*. No. 1. P. 141–148. DOI:10.1134/S1075700724700618
- Luthra G., Gupta P. (2023) China's Belt and Road Initiative in the Energy Sector: Progress, Direction, and Trends. *Issue briefs*. 2023. No. 677. 28 p.
- Ma Y. (2025) Analiz evolyutsii energeticheskoy politiki KNR v period c 1990 po 2025 gg. [Analysis of the evolution of China's energy policy in the period from 1990 to 2025]. *Economics and entrepreneurship*. No. 1(174). P. 30–33. DOI: 10.34925/EIP.2024.174.1.002
- Malz N., Pao-Yu O. (2024) *China's Energy Policy. An Overview for Policy Makers*. Berlin: Europa-Universität Flensburg, March. 40 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.13750.31042
- Mastepanov A., Tomberg I. (2018) Kitay diktuet energeticheskuyu politiku XXI veka [China Forms Energy Policy for 21st Century. International Trends]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 3. P. 6–38. DOI: 10.17994/IT.2018.16.3.54.1

- Mastepanov A.M. (2024) Energeticheskoe sotrudnichestvo stran BRICS: istoriya i perspektivy [The Energy Cooperation of the BRICS' countries: history and prospects]. *Energeticheskaya politika*. No. 8. P. 8–26. DOI: 10.46920/2409 5516_2024_8199_8
- Matveev V.A. (2022) *Sovremennaya energeticheskaya politika Kitaya: vneshnie i vnutrennie vyzovy* [China's modern energy policy: external and internal challenges]. Moscow: IDV RAN. 168 p.
- Naughton B. (2018) *The Chinese Economy. Adaptation and Growth*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. 608 p.
- Navdaeva M.E. (2024) Voennaya sila kak instrument realizatsii interesov Kitaya na more [Military power as an instrument of implementing Chinese interests in the sea]. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. Vol. 26. No. 2. P. 92–106. DOI: 10.24866/1813-3274/2024-2/92-106
- Oleinov A.G. (2017) Mezhdunarodnaya politekonomia: predmet i metod [International political economy: subject matter and method]. *World Economy and International Relations*. Vol. 61. No. 2. P. 55-65. DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-2-55-65
- Sharma V., Loginova J., Zhang R., Kemp D., Shi G. (2023) How do past global experiences of coal phase-out inform china's domestic approach to a just transition? *Sustainability Science*. Vol. 18. P. 2059–2076. <http://dx.doi.org/10.1007/s11625-023-01312-5>
- Vasiliev D.V., Shavlay E.P. (2020) South China Sea in confrontation between China and the United States in Asia. *Asia and Africa Today*. No. 7. P. 61–66. DOI: 10.31857/S032150750010107-9
- Wang J., Guo M., Liu M., Wei X (2020). Long-term outlook for global rare earth production. *Resources Policy*. Vol. 65. 101569. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2019.101569>
- Yergin D. (2020). *The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations*. London: Penguin Press. 544 p.
- Zhe-Yi C., Lu-Tao Z., Lei C., Rui-Xiang Q. (2025) How does China respond to the Carbon Border Adjustment Mechanism? An approach of global trade analysis. *Energy Policy*. Vol. 198. DOI: 10.1016/j.enpol.2024.114486